

Иванъ Андреевичъ Есауловъ
докторъ филологическихъ наукъ,
профессоръ кафедры русской классической литературы
и славистики Литературнаго института
(Москва, Россія)

**«Я ЦАРЬ — Я РАБЪ, Я ЧЕРВЪ — Я БОГЪ»:
НѢКОТОРЫЯ СООБРАЖЕНІЯ О НАИБОЛѢ ИЗВѢСТНОЙ
РУССКОЙ СТИХОТВОРНОЙ СТРОКѢ XVIII ВѢКА**

Нѣтъ нужды особо доказывать, что ода «Богъ» Г. Р. Державина имѣетъ особое значеніе въ исторіи русской литературы, а потому она неоднократно становилась предметомъ научнаго разсмотрѣнія. Извѣстно, что эта ода переведена на французскій языкъ 18 разъ, на нѣмецкій — 9 разъ, да и вообще «въ русской литературѣ XVIII в. нѣтъ другого произведенія, которое вызвало бы такой широкой резонансъ»¹. Однако мы не будемъ характеризовать палитру истолкованій оды, а сосредоточимся лишь на одномъ аспектѣ ея семантики, наиболѣе близко отвѣчающемъ особенностямъ настоящаго изданія.

Въ произведеніи Державинъ пытается поэтически сформулировать должное «мѣсто» челоѣка въ Богомъ созданномъ мірѣ. Бросается въ глаза, что личныя мѣстоименія «Ты» и «я» (а также ихъ производныя) весьма неравномѣрно представлены въ разныхъ строфахъ.

«Ты» имѣется въ первой (единожды, но зато въ самой первой строкѣ: «О, Ты, пространствомъ безконечный»²); второй (четырежды: «Тебѣ», «Твоего», «Тебѣ», «Твоемъ»); третьей (шесть разъ, и всѣ въ формѣ «Ты», при этомъ послѣдняя строка представляетъ явное сгущеніе и концентрацію этого «Ты»: «Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!»); такого рода частотность уникальна въ текстѣ этой оды, съ ней отчасти корреспондируетъ лишь четырёхкратное использование мѣстоименія «я» въ седьмой строкѣ девятой строфы: «Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ!»); четвёртой (во всей строфѣ трижды: «Ты», «Тебя», «Тобой»); пятой (дважды: «Твои», «Тобой»); шестой (четырежды: «Тобой», «Тобою», «Тобою», «Тобой»); седьмой (опять четырежды: «Ты»,

¹ *Клейнъ Й.* Религія и Просвѣщеніе въ XVIII вѣкѣ: Ода Державина «Богъ» // XVIII вѣкѣ. СПб.: Наука, 2004. Сб. 23. С. 126.

² Державинскій текстъ цитируется (кромѣ специально оговорѣнныхъ случаевъ) по слѣдующему изданію: Сочиненія Державина: въ 9 т. / Съ объясн. прим. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. Наукъ, 1864. Т. 1.

«Твоихъ», «Тебя», «Ты»); восьмой (вновь четыре раза, но въ одной формѣ — «Ты»); въ девятой — впервые и единственный разъ во всей одѣ — мѣстоименіе «Ты» отсутствуетъ вовсе; но въ десятой строфѣ частотность его употребленія возвращается къ четырёмъ: «Твое», «Твоей», «Твоей», «Твое», а въ одиннадцатой «Ты» присутствуетъ трижды: «Твоей», «Тебя», «Тебѣ». Какъ видимъ, художественный текстъ выстроенъ авторомъ значительно сложнѣе той научной его систематизаціи, которая приводилась въ предыдущемъ абзацѣ.

«Я» отсутствуетъ съ первой по пятую строфы; зато въ шестой строфѣ используется трижды («мною», «я», «я»); въ седьмой — пять разъ («мнѣ», «мнѣ», «я», «моя», «я»); въ восьмой — девять («мое», «мнѣ», «меня», «мой», «я», «я», «мнѣ», «я», «мною»); въ девятой — уникальные десять разъ (и всѣ десять разъ въ формѣ «я»; повторимся, что именно въ этой, девятой, строфѣ не только совершенно исчезаетъ отсылка къ «Ты», но и имѣется вызывающая формула: «я — Богъ»); въ десятой строфѣ «я» употреблено шесть разъ («я», «я», «моей», «мое», «мой», «я»); въ одиннадцатой «я» встрѣчается дважды («я», «моей»).

Такимъ образомъ, можно констатировать рѣзкое преобладаніе «Ты» въ первыхъ строфахъ оды (въ первыхъ пяти изъ нихъ, какъ мы уже подчеркнули, «я» вообще отсутствуетъ), которое смѣняется преобладаніемъ «я» въ седьмой–девятой строфахъ (при этомъ девятая строфа представляетъ собой концентрированное (само)утвержденіе человеческого «я»). Самъ же моментъ *встрѣчи* «я» и «Ты» наблюдается въ шестой строфѣ, которая могла бы быть срединной, если бы Державинъ рѣшилъ слѣдовать принципамъ симметричности и соразмѣрности (правда, тогда бы онъ не былъ Державинымъ). Замѣтимъ ещё попутно, что мѣстоименіе «мы» возникаетъ всего лишь единожды — въ первой строфѣ («Кого мы называемъ — Богъ»), однако человеческое «мы» неявно присутствуетъ, кромѣ этого, ещё и въ послѣдней строфѣ: «То слабымъ *смертнымъ* невозможно» (курсивъ въ цитируемомъ текстѣ здѣсь и далѣе мой. — И. Е.).

Слѣдуетъ также обратить вниманіе, что послѣ констатированнаго уже своего рода разгула (само)утвержденія лирическаго субъекта («я») въ девятой строфѣ (далеко не случайно вынесенная нами въ заглавіе статьи строка: «Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ!» — стала хрестоматійной и едва ли не самой узнаваемой державинской строкой вообще) всё-таки эта строфа завершается не восклицаніемъ (восклицательнымъ предложеніемъ), а вопрошаніемъ и смиренной

констатаціей: «Отколѣ произошелъ? — безвѣстенъ, / А самъ собой я быть не могъ».

Десятая строфа — если уже не вспоминать о семантикѣ завершения въ числѣ «двѣнадцать» — могла бы и сама быть завершающей. Хотя бы потому, что десять строкъ каждой строфы въ такомъ случаѣ сочетались бы съ десятью строфами самой оды въ цѣломъ. Можно указать и на кажущееся итоговимъ авторское возвращеніе въ текстѣ къ исчезнувшему было мѣстоименію «Ты»: «Твое созданье я, Создатель!», контрастирующее съ седьмой строкой изъ предыдущей строфы (которая — въ данномъ случаѣ — не только выдѣлялась четырёхкратнымъ повторомъ «я», но и тѣмъ же самымъ восклицательнымъ знакомъ). Въ этой же строфѣ имѣется переходъ отъ «Ты» какъ *Создателя* (въ первой строкѣ, гдѣ «я» — только лишь одно изъ Его твореній) къ «Ты» какъ именно *Отцу* (въ послѣдней строкѣ): «И чтобъ чрезъ смерть я возвратился, / Отець! въ безсмертіе Твое».

Возвращаясь же къ центральному для насъ предмету вниманія — седьмой строкѣ девятой строфы, можно предположить, что лирический субъектъ, поэтическое «я», человекъ, находящійся въ полѣ русской православной традиціи, почувствовалъ своего рода онтологическую неуверенность отъ подобнаго «вознесенія». И именно поэтому девятую строфу авторъ и завершаетъ не гордымъ восклицаніемъ «я — Богъ!», но немедленнымъ возвратомъ «я» на то самое *своѣ* мѣсто, которое и приличествуетъ, во всякомъ случаѣ, помнить православному человеку.

Поскольку здѣсь и выше мы цитировали державинскій текстъ въ соотвѣтствіи съ опредѣленной научной традиціей, то умѣстно указать на важную текстологическую проблему. Сравнительно недавно А. Левицкій предложилъ «измѣнить принятую у державиновѣдovъ практику пользоваться почти исключительно первымъ изданіемъ Грота»³. Левицкій является однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ современныхъ изслѣдователей Державина, въ цитируемой нами статьѣ предлагается убѣдительное рѣшеніе нѣсколькихъ дискуссионныхъ вопросовъ. Однако же, вникнувъ въ то, какъ Я. К. Гротъ передаётъ наиболѣе извѣстную державинскую строку въ первомъ и во второмъ

³ *Левицкій А.* Оды «Богъ» у Хераскова и Державина. (Предварительныя замѣтки) // Gavriil Derzhavin (1743–1816) / Ed. Etkind E., Elnitsky S. Northfield; Vermont: The Russian School of Norwich University, 1995. P. 354. Самъ А. Левицкій используетъ, по-видимому, въ соотвѣтствіи со своимъ предложеніемъ, въ передачѣ державинскаго: «...я — Богъ!» — строчную букву.

изданияхъ, а также то, какъ онъ обосновываетъ свой текстологическій выборъ, мы не увѣрены въ безусловной правотѣ американскаго русиста относительно преимуществъ второго академическаго изданія Державина. Въ комментаріяхъ ко второму изданію 1868–1878 годовъ Гротъ утверждаетъ: «...хотя въ рукописяхъ Державина, въ этомъ стихѣ слово *Богъ* вездѣ начинается съ большой буквы, мы позволили себѣ измѣнить это правописаніе, такъ какъ Державинъ, вообще непослѣдовательный въ орѳографіи, всегда такъ писалъ это слово, даже и тогда, когда рѣчь шла о языческихъ богахъ. Едва ли онъ здѣсь имѣлъ намѣреніе приравнять челоуѣка къ высшему Существо; конечно, онъ въ этомъ стихѣ разумѣлъ, подобно Юнгу — a god»⁴. На первый взглядъ пусть не текстологически (всѣ-таки это явное нарушение авторской воли), но въ опредѣленномъ смыслѣ Гротъ правъ, если рѣчь идѣтъ о сугубо метафорическомъ выраженіи, не могъ же русскій поэтъ XVIII вѣка написать о себѣ самомъ: «я — Богъ!» Поэтому Гротъ и передаѣтъ державинское слово *Богъ* со строчной буквы, какъ будто рѣчь идѣтъ въ данномъ случаѣ о языческомъ божествѣ. Однако обратимъ вниманіе на то, что въ первомъ изданіи сочиненій Державина 1864–1883 годовъ («съ рисунками, найденными въ рукописяхъ, съ портретами и снимками») комментарий Грота къ этому мѣсту державинскаго текста былъ инымъ: «Мы съ своей стороны должны указать на различіе пониманія слова *Богъ* въ стихѣ Юнга и въ стихѣ Державина. Юнгъ употребилъ это названіе какъ нарицательное имя, съ неопредѣленнымъ членомъ, и потому оно начинается у него строчною буквою (a god); Державинъ, напротивъ, всегда писалъ въ этомъ стихѣ *Богъ*»⁵. Въ этомъ изданіи слово «Богъ» въ девятой строфѣ набрано съ прописной буквы. Нужно замѣтить, что въ большинствѣ дореволюціонныхъ изданій слово «Богъ» въ этой строкѣ пишется именно съ прописной буквы⁶.

⁴ Гротъ Я. [Примѣчанія] // Сочиненія Державина / 2^е Академическое изд. съ объясн. примѣч. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. Наукъ, 1868. Т. 1: Стихотворенія. С. 143.

⁵ Сочиненія Державина: въ 9 т. / Съ объясн. прим. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: Имп. Акад. Наукъ, 1864. Т. 1. С. 202.

⁶ См.: Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова. 1784. Ч. 13. С. 125–129; *Державинъ Г. Р.* Ода Богъ. М.: Въ Унив. тип. у Огорокова, ок. 1792. 4 с.; Сочиненія Державина. Ч. 1. М.: Въ Унив. тип. у Ридигера и Клаудія, 1798. 399 с. Въ XIX вѣкѣ такое написаніе встрѣчается въ изданіяхъ: Богъ. Ода / Соч. Г. Р. Державина, полож. на музыку І. Л. Фуксомъ. СПб.: Тип. К. Крайя, 1831. 15 с.; Сочиненія Державина: Ч. 1–4. СПб.: А. Смирдинъ, 1831. Ч. 1. [4], VIII, 342, [5] с.; ►

Какъ видимъ, и у самого Грота мы не находимъ полной увѣренности въ томъ, какой именно вариантъ написанія можетъ быть въ научно́мъ изданіи вполнѣ каноническимъ, поэтому въ изданіяхъ сочиненій Державина 1864–1883 и 1868–1878 годовъ предлагаются разные варианты (съ отличающимися комментаріями, что совершенно не оговаривается Гротомъ въ Предисловіи ко второму изданію!⁷).

Сочиненія Державина: Ч. 1–4. СПб.: Тип. И. Глазунова и К°, 1843. Ч. 1. [6], LXXXII, 292 с.; Сочиненія Державина / Біогр. писана Н. А. Полевымъ. СПб.: Изд. Д. П. Штукина, въ тип. К. Жернакова, 1845. 395 с.; Сочиненія Державина: Т. 1–2. СПб.: А. Смирдинъ, 1847. Т. 1. [4], VIII, 760 с. (Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ); Избранныя сочиненія Г. Р. Державина, съ вводными замѣтками, примѣчаніями историческими, критическими и бібліографическими, и алфавитными указателями Льва Поливанова: Записки Державина. Стихотворенія. Драмат. произведенія. Проза: Со снимкомъ съ бюста Г. Р. Державина. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1884. [2], 8, 442 с. (Русскіе прозаики и поэты: Пособіе при изуч. рус. лит. Льва Поливанова); Избранныя сочиненія Гавріила Романовича Державина. СПб.: А. А. Каспари, 1893. 226, II с.

Такое написаніе принято и въ хрестоматіяхъ, см.: *Яковлевъ В. А.* Русская хрестоматія: сб. статей, выбранныхъ изъ произведеній русской литературы / Съ учебными примѣчаніями Н. Н. Полевого. СПб., 1874. 242 с.; Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ / Н. В. Гербель; подъ ред. [и съ предисл.] П. Полевого. 3^е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. [8], 582, IX с.; Историко-литературная хрестоматія новаго періода русской словесности / Сост. А. Галаховъ. 20^е изд. М.; Пг.: Т-во «В. В. Думновъ — насл. бр. Салаевыхъ», 1916. Т. 1. VIII, 385 с.

⁷ Гротъ утверждаетъ слѣдующее: «Когда еще только предпринималось въ Академіи Наукъ изданіе сочиненій Державина, рѣшено было напечатать ихъ двоякимъ образомъ: сперва съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта, и съ соотвѣтствующею тому обстановкой, а потомъ безъ рисунковъ, въ возможно простомъ и сжатомъ видѣ, такъ чтобы книга, *сохраняя вполнѣ свое содержаніе*, могла быть легко приобрѣтаема всѣми.

»По выпускѣ четырехъ томовъ роскошнаго изданія начато было, на этомъ основаніи, печатаніе изданія общедоступнаго. Теперь выходитъ въ свѣтъ I^й томъ его. Сверхъ отсутствія рисунковъ и всего, что къ нимъ относится, оно представляетъ еще одно внѣшнее отличіе отъ прежняго. Тамъ дополнительныя свѣдѣнія, накопившіяся во время печатанія, помѣщались отдѣльно въ концѣ каждаго тома; здѣсь оказалось возможнымъ включить и эти прибавленія въ составъ примѣчаній, приложенныхъ въ своемъ мѣстѣ къ каждому стихотворенію. *Во всемъ остальномъ нынѣшнее изданіе совершенно сходно съ первоначальнымъ* и, подобно ему, будетъ состоять изъ семи томовъ, точно такъ же расположенныхъ. Сентябрь 1868» (курсивъ мой. — *И. Е.*) (Сочиненія Державина... Т. 1. 1868. С. III–IV). Какъ можно уже было замѣтить, далеко не «во всемъ остальномъ» новое изданіе Грота «совершенно сходно съ первоначальнымъ».

Считать ли входящимъ въ спектръ адекватности⁸ оба варианта, либо же предпочесть какой-нибудь одинъ? Издательская практика исторической Россіи такова, что встрѣчалось то и другое написаніе. Для нашего же отвѣта на этотъ вопросъ обратимъ вниманіе на нѣсколько моментовъ, относящихся къ поэтикѣ даннаго произведенія.

Хотя именно въ XVIII вѣкѣ, какъ извѣстно, русская словесность благодаря европейскому вліянію испытываетъ своего рода нашествие античной мифологіи съ ея «богами», у Державина нигдѣ, ни въ одной строфѣ этого произведенія нѣтъ ни одного намѣка на уподобленіе себя (или, скажемъ такъ, своего лирическаго героя) какому-либо изъ античныхъ «боговъ». Напротивъ того, начиная съ самого названія оды, рѣчь идётъ исключительно о Создателѣ (именно о «верховномъ Существѣ», какъ это формулируетъ Гротъ). Вспомнимъ и то, что если русская литература державинской эпохи обращалась къ мифамъ Древней Греціи (и Рима), то практически всегда это обращеніе имѣло характеръ освоенія культурнаго наслѣдія античности (являясь своего рода литературной игрой). Никто, разумѣется, вполне всерьѣзъ не воспринималъ античныхъ «боговъ» какъ именно боговъ, которые являлись атрибутомъ античной культуры, часто — смѣхового пространства этой культуры (либо же переводились въ смѣховое пространство уже на русской почвѣ, какъ, напримѣръ, въ ироикомиической поэмѣ В. Майкова «Елисей, или Раздражѣнный Вакхъ»), но никакъ не религиозно-серьезной сферы. Въ державинской же одѣ нѣтъ и тѣни игры, всё здѣсь — совершенно всерьѣзъ, до послѣдняго предѣла этой серьезности.

Насъ какъ читателей поражаетъ (что, очевидно, и входило въ художественную задачу Державина) ослѣпительный контрастъ между самоуничижительнымъ «я червь» и дерзостнымъ «я Богъ!», рѣзко усилившей и безъ того драматическую оппозицію «царя» и «раба» въ началѣ этой самой знаменитой въ русской поэзіи XVIII вѣка строки. Зададимся вопросомъ: безконечная дистанція между *червѣмъ* (рѣзкое семантическое сниженіе «я» уже послѣ *раба*) и *Богомъ* могла ли быть таковой, если бы рѣчь шла о какомъ-либо античномъ «богѣ» или если подразумевается сугубо метафорическое уподобленіе? Врядъ ли. Не нужно забывать, что и спустя безъ малаго четверть вѣка послѣ написанія этой оды Державинъ въ предѣлахъ одной стихотворной строки

⁸ См.: *Есауловъ И. А.* Спектръ адекватности въ истолкованіи литературнаго произведенія («Миргородъ» Н. В. Гоголя). М.: Издательство РГГУ, 1995.

допускаетъ подобное же сближеніе: «Единъ есть Богъ, единъ Державинъ» («Приказъ моему привратнику») — и хотя — въ 1808 году — къ подобному сопоставленію поэтъ относится уже какъ къ «глупой гордости», но вѣдь «мечталъ» же! Нѣтъ, въ данномъ случаѣ явно идётъ рѣчь о драматически совмѣщающихся въ единомъ «я» максимально удалённыхъ предѣлахъ, о полюсахъ (какъ и въ случаѣ *Царя* и *раба*), рѣчь идётъ именно о послѣднемъ изъ послѣднихъ и первомъ изъ первыхъ. А такимъ можетъ быть именно тотъ *Богъ*, о которомъ и идётъ рѣчь въ одѣ, но отнюдь не любой изъ «боговъ» античнаго космоса.

Весьма существенно — и опять съ позицій чистой поэтики, — что слово *Богъ*, присутствующее въ девятой строфѣ, звучитъ, включая заглавіе, третій разъ въ текстѣ. Такъ поддерживается (и укрѣпляется на уровнѣ всё той же поэтики) троичность, о которой Державинъ разсуждаетъ въ первой же строфѣ, затѣмъ комментируя въ «Объясненіяхъ на сочиненія...» своё рискованное съ богословской точки зрѣнія утвержденіе (что живо обсуждали, и полемизируя, и соглашаясь съ нимъ, его современники, а также и позднѣйшіе изслѣдователи, укоряя — какъ, на примѣръ, Д. Л. Башкировъ — въ «безплодной игрѣ ума и фантазіи», въ склонности «къ нѣкимъ метафизическимъ абстракціямъ»⁹). Врядъ ли третье — и послѣднее — звучаніе, а также визуальная реальность (экспликація) самого слова *Богъ* (въ одѣ «Богъ»!) для того употреблено авторомъ, чтобы зачѣмъ-то — въ сторону античныхъ «боговъ» — увести своихъ читателей, удаляясь отъ магистрального сюжета оды и понижая — къ финалу! — накалъ чеканныхъ ея строфъ.

Если слова о «трѣхъ лицахъ Божества», такъ или иначе, но сакрализующія и само число три въ одѣ «Богъ», прямо эксплицированы поэтомъ и въ текстѣ, и въ авторскихъ комментаріяхъ къ нему, то выявленіе кратнаго трѣмъ числа девять, лишь имплицитно содержащагося въ конструкціи текста (девятая строфа, гдѣ какъ разъ и возникаетъ вызывающее «уподобленіе»: «я Богъ!») и отсылающаго — на уровнѣ поэтики — къ той же самой Троицѣ, потому что безъ этого третьяго именованія Бога былъ бы только лишь повторъ заглавія, хотя и въ особо значимомъ мѣстѣ — въ концѣ первой строфы («Кого мы называемъ — Богъ!»), представляетъ собой необходимую

⁹ Башкировъ Д. Л. Ода Г. Р. Державина «Богъ» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводскъ: ПетрГУ, 1998. Вып. 5: Евангельскій текстъ въ русской литературѣ XVIII–XX вѣковъ: цитата, реминисценція, мотивъ, сюжетъ, жанръ. Вып. 2. С. 150.

часть собственно литературовѣдческой «читательской дѣятельности»¹⁰. Однако въ данномъ случаѣ эта «дѣятельность» отнюдь не произвольна, а входитъ въ спектръ адекватности въ интерпретаціи державинскаго произведенія. Достаточно замѣтить, что «нумерологическій» пластъ разсматриваемаго текста въ обоихъ гротовскихъ изданіяхъ (для его времени, какъ извѣстно, близкихъ къ образцовымъ въ текстологическомъ отношеніи, несмотря на нашу «критику» конкретнаго рѣшенія въ девятой строфѣ) уже потому имѣетъ большую, чѣмъ можетъ показаться, семантическую значимость, что порядокъ строфъ пронумерованъ, становясь въ этомъ случаѣ частью текста (хотя бы и на рецептивномъ уровнѣ).

Возвращаясь къ седьмой строкѣ девятой строфы, немаловажно замѣтить, что не только послѣднее опредѣленіе «я» («Богъ»), но и первое («Царь»)¹¹ въ слѣдующей же строфѣ непосредственно соотносится именно съ христіанскимъ Богомъ (Создателемъ): «Душа души моей и Царь» (въ рядѣ дореволюціонныхъ изданій Державина и здѣсь также присутствуетъ прописная буква)¹². Поэтому, несмотря на пропасть между «царёмъ» и «рабомъ», въ томъ и другомъ случаѣ имѣются, помимо прямой семантики оппозиціи «царя» и «раба», ещё и коннотаціи, единящія эти слова, — въ несомнѣнно присутствующемъ въ культурномъ безсознательномъ Державина концептѣ «раба Божія», въ равной степени присущаго и «царю», и «рабу».

Что же до «червя», непосредственно предшествующаго опредѣленію себя какъ Бога, то любопытные семантическіе результаты можетъ дать обращеніе къ древнѣйшей славянской азбукѣ — глаголицѣ св. Кирил-

¹⁰ Ср.: *Өёдоровъ В. В.* Литературовѣдческой анализъ какъ форма читательской дѣятельности // Проблемы исторіи критики и поэтики реализма. Куйбышевъ [Самара], 1980. Вып. 5. С. 143–154.

¹¹ Въ прижизненныхъ изданіяхъ Державина и въ словѣ «Царь» иной разъ используется прописная буква: въ этомъ случаѣ для современнаго читателя переосмысливается семантической ореолъ слова, да и графической обликъ строки выгладитъ иначе, что не можетъ быть нейтральнымъ съ рецептивныхъ позицій. См.: Сочиненія Державина. Ч. 1. М., 1798; *Державинъ Г. Р.* Ода Богъ. М., ок. 1792. Въ XIX вѣкѣ такое написаніе встрѣчается въ изданіи: Богъ. Ода / Соч. Г. Р. Державина. СПб., 1831.

¹² См.: Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1784. Ч. 13. С. 129; Сочиненія Державина. Ч. 1. М., 1798; *Державинъ Г. Р.* Ода Богъ. М., ок. 1792; Сочиненія Державина: Ч. 1–4. СПб., 1831. Ч. 1; Сочиненія Державина. СПб., 1845; Сочиненія Державина: Т. 1–2. СПб., 1847. Т. 1; Сочиненія Державина. 2^е изд. Т. 1–2. СПб., 1851. Т. 1; Избранныя сочиненія Г. Р. Державина... М., 1884.

ла, древнѣйшаго славянскаго текста, вѣ всякихъ сомнѣній извѣстнаго не только Державину, но и любому русскому образованному челоѣку того времени. Хотѣлось бы обратить вниманіе лишь на одинъ аспектъ, существенный для проясненія нашего пониманія особо интересующей насъ державинской строки. Дѣло въ томъ, что «азъ» (я) и «чрвь» — символы, которые начинаютъ и завершаютъ эту азбуку.

Червь, какъ подчёркиваетъ, подвергая «дешифровку» глаголицу, Л. В. Савельева, приводя евангельское свидѣтельство св. Матѣея, «въ контекстѣ христіанской культуры <...> символъ самаго ничтожнаго творенія Создателя, въ полной мѣрѣ живой ещё для челоѣка XVIII вѣка (далѣе слѣдуетъ отсылка какъ разъ къ строкѣ Державина. — И. Е.), а также символъ бренности плотскаго начала...»¹³. Въ той смысловой перспективѣ, которую пытается реконструировать изслѣдовательница, для *азъ* предлагаются два пути: путь *херувима* («отрѣшеніе печали») или путь *червя*. Послѣдній имѣетъ «антиэстетическій ассоціативный ореолъ» и является «символомъ всякаго конца, противостоящаго вѣчности». Л. В. Савельева полагаетъ, что глаголическая азбука Кирилла съ ея символическими именованіями каждой буквы обнаруживаетъ «строгую упорядоченность <...> до *чрвь* включительно, поскольку каждый буквенный знакъ могъ представлять опредѣлённую цифру въ натуральномъ рядѣ единицъ, десятковъ и сотенъ. Буква *чрвь* завершала этотъ рядъ, соотвѣтствуя 1000»¹⁴.

Существенно то, что реконструируемый «сюжетъ» славянской азбуки (отъ «азъ» къ «херувиму» либо «червю»), хотя, какъ можетъ показаться, противоположный державинскому (отъ «Ты» къ «я» и обратно — но уже въ пасхальной перспективѣ — вновь къ «Ты»), имѣетъ — опять-таки на уровнѣ поэтики — нѣкоторое, причѣмъ достаточно очевидное, сходство. Дѣло въ томъ, что глаголическое изображеніе «я» («азъ») являетъ собой не что иное, какъ «прямой и непосредственный символъ Иисуса Христа»¹⁵ *, поскольку явно представляетъ собой крестъ.

¹³ Савельева Л. В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретація перваго славянскаго поэтическаго текста // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводскъ: ПетрГУ, 1994. Вып. 3: Евангельскій текстъ въ русской литературѣ XVIII–XX вѣковъ: цитата, реминисценція, мотивъ, сюжетъ, жанръ. Вып. 1. С. 21–22.

¹⁴ Тамъ же. С. 24.

¹⁵ Тамъ же. С. 29.

* Здѣсь слово *символъ* имѣетъ священный смыслъ, при коемъ его цѣлесообразно писать черезъ *v*. Но трудъ Савельевой написанъ упрощѣннымъ правописаніемъ, и вносить редакторскую корректировку, напоминающую скорѣе вольность, не совсѣмъ правильно.

Правда, по мнѣнію Л. В. Савельевой, «это не только символъ Христа <...>, но и несомнѣнная *идеограмма*, изображающая христіанскую доктрину мірозданья и духовнаго развитія личности (*аза*). Космогоническая модель-схема здѣсь естественно связана съ пространственной оріентаціей, съ понятіемъ верха-низа: поперечная перекладина, ограниченная загибами внизъ, символизируетъ матеріальное, земное начало, а незамкнутая вертикальная черта — начало идеальное, духовное; ихъ точка пересѣченія представляетъ собой символъ познающаго субъекта (*азъ*), *уподобленнаго самому Богу*, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправную точку въ духовномъ развитіи челоуѣка. Характерно при этомъ, что верхняя часть вертикали не знаетъ ограниченій, соотвѣтствуя безконечности (открытости) духовнаго пространства, а нижняя часть вертикали могла имѣть вариантъ съ ограничительной чѣрточкой — какъ знакъ конечности земнаго, плотскаго начала. Космогоническая схема идеограммы *азъ*, такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ идею единства противоположностей — матеріальнаго и духовнаго, земли и неба, челоуѣка и Бога»¹⁶. Такимъ образомъ, дерзновенныя, хотя и вполне укоренѣнныя въ православной традиціи, державинскія поэтическія соотнесенія «Ты» и «я», «Царя», «раба», «червя» и «Бога» можно не только разсматривать въ контекстѣ «малаго времени» литературнаго XVIII вѣка, какъ русскаго, такъ и европейскаго (на чѣмъ, въ соотвѣтствіи съ уровнемъ науки его времени, почти исключительно сосредоточилъ своё вниманіе Гротъ), но и въ «большомъ времени» православной культуры какъ таковой.

Необходимо замѣтить, что ода «Богъ» заставляетъ — въ очередной разъ! — особо задуматься также и о корректности использования современной орфографіи и пунктуациі въ научномъ изданіи текстовъ русской классики. Рѣчь идётъ не только о проблемѣ строчной или прописной буквы въ словѣ «Богъ», но и въ совершенномъ измѣненіи всего графическаго облика этого произведенія — въ «переводѣ» его на «языкъ» современнаго (совѣтскаго по своему политическому происхожденію) правописанія (или, какъ ѣдко сформулировалъ И. А. Бунинъ, «заборной» орфографіи), которая, по словамъ Д. С. Лихачёва, «посягнула на самое православное въ алфавитѣ»¹⁷. Это, конечно, относится не только къ Державину: до сихъ поръ нѣтъ, къ примѣру,

¹⁶ Тамъ же. С. 29–30.

¹⁷ Лихачёвъ Д. С. Статьи раннихъ лѣтъ. Тверь: Тверское отдѣленіе Рос. фонда культуры, 1993. С. 13. Для молодого Д. С. Лихачёва было ясно, что посягающіе «они (имя которымъ легіонъ) хотятъ предать забвенію ту ненавистную связь, которая существовала когда-то между Византіей и Русью, Россіей» (Тамъ же. С. 14).

вполнѣ аутентичнаго изданія всемірно извѣстной «Жизни Арсеньева» Бунина — несмотря на весьма опредѣленно — и недвусмысленно — неоднократно выраженную авторскую волю¹⁸. Однако именно въ изданіи каноническихъ текстовъ Державина, гдѣ поэтъ обращается къ высокимъ, сакральнымъ смысламъ, нынѣшнія массовыя изданія не только упрощаютъ, но и снижаютъ эти смыслы, искажая какъ авторскую волю, такъ и, используя языкъ устарѣвшей нынѣ терминологіи прежняго литературовѣдѣнія, «форму и содержаніе».

Рѣчь идѣтъ о совершенномъ исчезновеніи прописныхъ буквъ, обозначающихъ «Ты» (напомнимъ, это структурообразующій для конструкции текста въ цѣломъ моментъ): напримѣръ, только въ первой строфѣ «понижены» слѣдующія слова: «Ты», «Божества», «Собою», «Богъ». Во второй строфѣ такихъ словъ также четыре, въ третьей — семь и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ графической видъ строки совершенно измѣняется, по сравненію съ каноническимъ (державинскимъ). Напримѣръ: «Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ». Можно сказать, что при «переводѣ» на десакрализованную орѳографію исчезаетъ сама личностность «Ты», Богъ становится нѣкой обезличенной абстракціей, къ которой просто-напросто невозможно поэтому никакого въ строгомъ смыслѣ личностнаго обращенія. По отношенію же именно къ этому тексту такого рода сниженіе и обезличиваніе «Ты» недопустимо, поскольку совершенно мѣняетъ смыслъ и семантику всего произведенія: такъ, рѣшительно немислимо по отношенію къ подобной абстракціи произнести эмоціонально окрашенное «Отецъ!», какъ это происходитъ въ десятой строфѣ.

Однако «упрощеніе» орѳографіи до современнаго ея состоянія проявляется не только въ пониженіи прописныхъ буквъ, явно искажающихъ смыслъ державинскаго шедевра. Есть и болѣе тонкіе нюансы. Напримѣръ, само названіе оды укорачивается не на одинъ, а на два знака. Въ концѣ заголовка традиціонно ставилась точка, поэтому читать

¹⁸ См. переписку И. А. Бунина періода подготовки послѣдняго прижизненнаго изданія «Жизни Арсеньева» (1952) въ Нью-Йоркѣ. Напримѣръ: «Обращаюсь еще разъ съ горячей мольбой: убѣдите вашу редколлегію пересмотрѣть ея рѣшеніе относительно того, чтобы мои три книги издавались у васъ по старой орѳографіи. <...> Да, эта новая орѳографія очень большое мое мѣсто, иногда просто сводитъ меня съ ума своей нелѣпностью, низостью, угодливостью черни — и тѣмъ, что вѣдь *ни одна* (выдѣлено Бунинымъ. — И. Е.) страна въ Европѣ не оскорбляла, не унижала такъ свой языкъ...» (Бунинъ И. А. Собр. соч.: въ 8 т. М.: Моск. рабочій, 1996. Т. 5. С. 563).

заглавіе слѣдуетъ такъ: «Богъ.». Присутствіе конечнаго *еръ* — въ его отличіе отъ мягкаго *ерь* — возстановливаетъ весьма важную нюансировку (особенно, если возстановить и пунктуацию). Напримѣръ, въ той же ключевой строкѣ: «Я Царь — я рабъ, я червь — я Богъ» — размѣреннымъ чередованіемъ конечныхъ «ь/ъ» нѣсколько смягчаются неравномѣрные семантическіе переходы отъ высокаго къ низкому, затѣмъ къ низжайшему, а потомъ непосредственно къ высочайшему. Замѣтимъ: важную роль играетъ и согласный «р» (*рѣцы*), на который первое изъ четырехъ словъ заканчивается, второе — начинается, затѣмъ это «р» словно бы прячется въ середину слова, чтобы затѣмъ исчезнуть въ послѣднемъ существительномъ. Упорядоченное чередованіе «ь/ъ», «ь/ъ» наряду съ повторяющимся между антонимичными существительными знакомъ «—» уже своей ритмической симметрией, рѣзко контрастирующей съ вызывающими, даже эпатирующими уподобленіями, готовитъ читателя къ послѣдующему примиренію и гармонизаціи въ десятой строфѣ. Подчеркнёмъ, что изображается совсѣмъ не разновременная смѣна различныхъ состояній человѣка, но единствомъ строки подчёркивается и чудесное («столь чудесенъ»), именно одновременное совмѣщеніе полюсовъ въ единствѣ личности «я».

* Работа выполнена при поддержкѣ Россійскаго фонда фундаментальныхъ изслѣдованій (РФФИ), проектъ 19-012-00411.